

Ирина Левонтина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

к понятию «оскорбление религиозных чувств»

Понятие оскорбления в русском языке: семантический анализ

В экспертных заключениях (например, религиоведческих) понятие *оскорбления* (в частности, *оскорбления религиозных чувств*) обычно трактуется с опорой на общие словари, в частности на данные «Большого толкового словаря» (со ссылкой на то, что другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции):

ОСКОРБИТЬ, -блю, -бишь; оскорбленный; -лен, -лена, -лено; св. кого-что и с прид. (чем). Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства. О. чью-л. честь, гордость. Смертельно о. чье-л. достоинство. Оскорбить кого-л. действием (нанести кому-л. удары, побои). // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. О. торжественность минуты глупой выходкой. О. в лучших чувствах. О. чей-л. слух, зрение, взор (быть крайне неприятным для чьего-л. слуха, зрения). <Оскорблять, -яю, -яешь; нсв. Оскорбляться, -яется; страд. (см.). Оскорбление (см.).

УЯЗВИТЬ, -влю, -вишь; уязвленный; -лен, -лена, -лено; св. кого-что. 1. Устар. Нанести рану кому-л. * А рану ты завяжешь. Плечо твоё уязвлено железом (А.Островский). 2. Оскорбить, обидеть, причинить нравственную боль, неприятность; уколоть. У. чье-л. самолюбие. У. чью-л. гордость. У. насмешкой. Сделать что-л. из желания у. кого-л. У. в самое сердце. <Уязвлять, -яю, -яешь; нсв. Уязвляться, -яется; страд. Уязвление, -я; ср.

Как легко заметить, *оскорбить* толкуется здесь через слова *обидеть*, *унизить*, *уязвить*, при этом *уязвить* объясняется через *оскорбить* и *обидеть* и т. д. Такие толкования, помимо того, что они некорректны (содержат круг, не поясняют более сложное через более простое), еще и не дают представления о месте понятия *оскорбления* среди других смежных понятий. Поэтому есть необходимость в более детальном семантическом анализе соответствующего круга слов.

Русская лексика, описывающая чувства, весьма обширна, а некоторые части эмоциональной палитры русским языком освоены особенно хорошо.

Оскорбление — травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека. Русский язык очень «щепетилен» — он располагает богатейшими возможностями для описания разного рода моральных травм. Он как раз проводит тонкие различия между *обидой*, *оскорблением*, *унижением*. Он отличает *издевательство* от *глумления*. Он тщательно классифицирует травматичные ситуации, которых следует избегать, — тут есть целая серия слов от *невместно* до *западло*.

Неудивительно, что мы так легко впадаем в «обиженный» дискурс: нас не уважают, оскорбляют, обидеть норовят, а вот уж мы им покажем (сейчас этот тоскливый дискурс стал пугающе актуальным), у нас на этот случай и лексика прекрасно разработана. Конечно, можно сказать, что все наоборот: это народная ментальность, как ее ни понимать, отражается в языке. Ну, как оно там в голове народа устроено и каким образом всяческие культурные скрипты и когнитивные структуры складываются — пусть разбираются другие науки, но в любом случае ясно, что трансляция культурных стереотипов и эмоциональных матриц происходит в значительной степени при помощи усвоения слов языка с их значениями.

Поэтому очень полезно представлять себе, что у нас вообще есть на эту тему в языке и что за матрица овладевает нами, когда мы просто разговариваем и просто читаем. Надо сказать, что лингвисты многократно обращались к изучению этой лексики (см.: Иорданская, 1970: 19; Wierzbicka, 1998; Левонтина, 2014). В частности, *оскорблению* и *унижению* специально посвящены основательные работы А.В. Санникова (наиболее подробно см.: Санников, 2006); лексика «щепетильности», в особенности та, что имеет отношение к *обиде*, рассматривается в проницательной статье Анны А. Зализняк (Зализняк, 2005).

Слова *обида*, *обидеться*, *обидеть*, *обижен*, *обиженный*, *обидно* и *обидный*, *обижаться*, *обидчивый* имеют немного разные значения, и почти все они при этом многозначны. Анна Зализняк показывает, что *обида* — это довольно специфическое, труднопереводимое слово (в европейских языках ему соответствуют в основном слова, по смыслу близкие либо к *оскорбить*, либо к *ранить*).

В работе Санникова в центре внимания находятся понятия достоинства и чести, которые он называет атрибутами личности. Основная идея унижения состоит в том, что оно наносит травму достоинству, оскорбление же травмирует честь. В работе очень подробно рассмотрены слова *оскорбить*, *оскорбление*, *оскорбительный* и т. п. в их разных значениях и употреблениях, а также слова *унижать*, *унижение* и т. п.

Анна Зализняк пишет о разнице между обидой и оскорблением: «*Оскорбление* возникает тогда, когда задета наша честь, *обида* — когда задето чувство. <...> В *оскорблении* участвуют социальные факторы, в *обиде* — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить» (Зализняк, 2005: 388).

При этом, как отмечает А. Санников, «*оскорбление* может быть вещью субъективной: слова *оскорблять* и *оскорбление* могут использоваться для интерпретации каких-то действий как намеренно направленных на то, чтобы задеть честь объекта. На этот смысл указывает целый ряд выражений: *счесть что-л. оскорблением*; *счесть себя оскорбленным*; *увидеть в чем-л. оскорбление*; *воспринять что-л. как (личное) оскорбление*. На этот же смысл указывает и сочетание *оскорбительный смысл (его слов <ее улыбки, этого жеста>)*. Ср. также: *Ваши слова следует понимать как оскорбление? В его подчеркнутой вежливости было что-то оскорбительное*» (Санников, 2006: 432).

Итак, понятие *оскорбления* предполагает наличие некоторого авторитетного для определенной социальной группы свода норм и правил. По-русски есть слова *неприлично*, *неудобно*, *неловко*, *не пристало*, *ззорно*, *не подобает*, *не комильфо* или — как у Ходасевича — *невместно* (*Кто счастлив честною женой, / К блуднице в дверь не постучится. / Кто прав последней правотой, / За справедливостью пустой / Тому*

невместно волочиться). Все эти слова подразумевают примерно одно и то же, но за каждым стоит свой неформальный кодекс. Это не всегда кодекс чести. В этом отношении очень показательное слово *западло*, пришедшее из блатного жаргона и довольно популярное сейчас. Тут просматривается некоторый аналог понятия чести — с той оговоркой, что честь есть у более или менее свободного человека, а представление о *западло* — напротив, у человека в условиях максимальной несвободы. Это система жестких внутренних запретов, и существенно, что она может быть сильнее запретов внешних. Причем это ограничения не нравственные, ибо нравственность пластична и в экстремальных условиях может подвести, а заведомые. «Понятия», будучи очень жестким кодексом, так же легко сочетаются с идеей *оскорбления*, как, скажем, представления об офицерской или дворянской чести.

Тут любопытно, что и «благородное» *невместно*, и «низкое» *западло* пришли к нам из польского. Только первое звучит несколько шляхетски, а второе — совсем наоборот. Это и понятно. Представления о личном достоинстве, о самоуважении как высшей ценности очень естественно связываются в русской культуре с Польшей, «польским гонором» (в силу вполне очевидных исторических причин). Кстати, и популярное слово *быдло*, выражающее крайнюю степень социального высокомерия, из того же источника.

Но вернемся к слову *оскорбление*. Стоит попытаться еще уточнить различия между *оскорблением*, *обидой* и *унижением*.

Итак, в предельном случае *оскорбление* связано с определенным кодексом и может быть элементом своеобразного ритуала. Честь может быть затронута каким-то совершенно условным действием, которое в соответствии с правилами нельзя позволять, хотя оно и не обязательно затрагивает эмоции. Можно сказать: *считайте, что я дал вам пощечину*, — задев тем самым честь человека. Однако не всегда это так. Ущерб, нанесенный чести, вполне может привести человека в отчаянье, как лермонтовского Звездича: *О, где ты, честь моя!.. отдайте это слово, / Отдайте мне его — и я у ваших ног, / Да в вас нет ничего святого, / Вы человек иль демон?* И чаще всего *оскорбление* не в меньшей степени затрагивает наши чувства, чем *обида* или *унижение*.

Но между этими словами есть и еще некоторые различия.

Обидеть можно совсем маленького ребенка, например, отняв у него игрушку или не купив мороженое. *Унизить* вряд ли можно совсем малыша, который еще плохо себя сознает. А ребенка чуть постарше могут и *унизить*, однако вряд ли *оскорбить*. Чтобы почувствовать себя *оскорбленным*, человек должен быть уже более или менее сформировавшейся личностью.

В состав эмоции *обиды* входит ощущение несправедливости по отношению к себе и чувство жалости к себе (обе идеи как составляющие *обиды* отмечаются в цитированной статье Анны Зализняк). Такие чувства доступны и маленькому ребенку: разумеется, он едва ли может объяснить, что ему что-то кажется *несправедливым*, но может иметь смутное ощущение, которое можно сформулировать как: *Так нечестно!* И конечно, он может жалеть себя.

Если в *обиде* может быть даже какая-то сладость, если ею обыкновенный, нормальный человек иной раз может упиваться, то *унижение* — это очень неприятное чувство. Получать от него удовольствие — некоторое отступление от нормы, это может только изломанный человек с весьма специфическими вкусами. *Унижение* предполагает, что покушаются на самоуважение человека, его достоинство (об этом подробно пишет

Андрей Санников). Можно только еще подчеркнуть, что в *унижении* есть некий элемент психологического насилия, человека как бы нагибают к земле. *Унижает* всегда сильный слабого, который не может сопротивляться (в то время как *оскорбить* или *обидеть* можно и более сильного). Предельный случай *унижения* — это так называемое *опускание* (сексуальное насилие) в тюрьме, после которого мужчина полностью лишается права на уважение, становится неприкасаемым (остальные боятся *заиквариться*, случайно вступив с ним в контакт). Разумеется, это крайний случай. Но и в том случае, когда *унижают* через символическое насилие — например, демонстративно указывая, что у юноши не хватит денег, чтобы заплатить за девушку в кафе, — человека лишают самоуважения. *Оскорбить* или *обидеть* человека можно, в частности, заподозрив его в дурном поступке, из-за которого человека могут возненавидеть (например, что он кого-то избил или ограбил). *Унизить* же человека можно только чем-то, что вызывает неуважение, презрение, брезгливость, но не ненависть или возмущение.

Здесь, пожалуй, стоит высказать одно попутное соображение. Как можно заметить, в словах *оскорбить*, *унизить*, *обидеть* заложены вполне понятные образы. *Оскорб-ить* — просто огорчить, причинить страдание, *обидеть* — об-видеть¹, то есть обойти взглядом, не заметить. Кстати, идея взгляда есть и в слове *презирать*, и в других обозначениях чувств: и в слове *ненавидеть*, и в оборотах *видеть не могу*, *глаза б мои не смотрели* (как сейчас бы сказали, *хочу это развидеть*), а из положительных — в слове *ненаглядный*. Ну и в слове *унизить* есть понятная идея приближения к полу, к земле — та же, что в *опустить*. Важно, однако, подчеркнуть, что внутренняя форма и этимология являются лишь отправной точкой семантического развития слова. Те смысловые тонкости, о которых шла речь выше, никак невозможно вывести из происхождения слов. Достаточно сравнить слово *унизить*, которое только что было разобрано, и слово *принизить*. Разумеется, в последнем совершенно нет ни указания на психологическое насилие, ни идеи утраты достоинства и самоуважения.

Теперь обратимся к *оскорблению*. *Оскорбление*, подобно *унижению*, покушается на самооценку человека. Надо, впрочем, заметить, что тут есть существенное различие. Если человека *унизили* или *обидели* — это значит, что его самоуважение уже пострадало. Если же его *оскорбили* — то этот эффект не достигается автоматически. Все зависит от его реакции: этого может и не произойти, если он даст достойный отпор (например, вызовет оскорбителя на дуэль или уничтожит его едким и остроумным ответом).

Как уже было сказано, *оскорбление* не всегда травмирует именно честь человека, но всегда задевает нечто сущностное, глубинное, важное для него. *Оскорбление* включает понятие ценности. Не любая сказанная человеку гадость, не любое отрицательно-оценочное высказывание будет для человека *оскорбительным* — а только такое, острие которого попадает в заветное:

Слова Павла Алексеевича о ее женской неполноценности сидели занозой в душе Елены. <...> Он тоже был несказанно оскорблен: Елена своими словами как будто лишила его отцовства (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого, 2000);

Рилу [Арцимович] обрадовался особо, когда же подошел к Зубру, сказал: «Да, да, слышал, но извините...» — и руку подать отказался. Так Зубр и остался с протянутой

---

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Пер. с нем. (Russisches etymologisches Wörterbuch) / Перевод и дополнения О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель-АСТ, 2004.

рукой. Это была одна из самых позорных минут в его жизни. Он был публично оскорблен, обесчещен и не мог ничем защитить себя. Он замер, как бык на корриде, когда шпага матадора входит в загривок между лопатками, сталь достаёт сердце, наступает момент истины, озаряющий затор между жизнью и смертью... (Даниил Гранин. Зубр, 1987)².

Похожий смысловой компонент есть в ещё одном русском глаголе — *глумиться*. Например, *издеваться* или *насмехаться* над человеком можно, используя любой повод, даже самый незначительный, лишь бы многократным повторением вывести человека из равновесия. Для *глумления* же подходит не любой повод: *глумятся* над тем, что человеку важно и дорого, что он бережно хранит в своей душе:

Кораблик медленно устремился на середину реки, а парни, побросав палки, принялись наблюдать за мальшом, смакуя его отчаяние, и, дабы извлечь из ситуации максимум приятности, еще и глумились над ним, обещая тотчас же достать кораблик, но не трогались с места, восторгаясь достоинствами уплывающего ребячьего сокровища и соболезнуя рыдающему его владельцу (Юрий Вяземский. Шут, 1982);

Не надоело ли вам <...> только и делать, что презирать меня, черт вас возьми, и глумиться над моей к вам любовью! (Булат Окуджава. Путешествие дилетантов, 1971–1977);

Хотя многолетнее глумление критиков над литературными попытками Репина и помешало ему развернуть во всю ширь свой писательский дар, но влечение к писательству было у него так велико, что смолоду и до старости почти ежедневно весь свой короткий досуг отдавал он писанию писем (К. И. Чуковский. Репин-писатель, 1930–1950).

Стоит отметить, что в отличие от таких слов, как *кощунство* или *святотатство*, где идея покушения на то, что человеку дорого, выражена прямо, в словах *оскорблять* и *глумиться* она спрятана.

Теперь разберем еще несколько примеров употребления слова *оскорбление* в русском языке.

Часто под *оскорблениями* понимаются сами оскорбительные слова или высказывания:

Оскорбления он ни во что не ставил, смеялся, когда кто-нибудь пробовал говорить ему в глаза те слова, которые люди не забывают, и гордятся, когда отомстят за них (Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011).

Она думала, что Приходченко сейчас взорвется, как слишком сильно надутый воздушный шар, и начнет метаться по приемной, выкрикивая угрозы и оскорбления, такое с ним раз в году случалось. Но он промолчал. И это было ужасно (Татьяна Устинова. Персональный ангел, 2002).

О самом же «сыне» в письме говорилось, что «он просто плут и подлец». Такие оскорбления надежно исключали любые переговоры, кроме формальных — «о материальной стороне дуэли». Вечером того же дня

² Примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

секундант Геккеренов виконт д'Аришиак уже был у Александра Сергеевича с письменным вызовом от барона (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001).

В другом даже более распространенном типе контекстов слово *оскорбление* выступает в предикативной функции, интерпретируя какие-то конкретные выражения и указывая на их травматичность:

*Термины «любовник» или «любовница» совсем не подходили к нашей жизни и звучали как грубое **оскорбление**. Взамен их укрепилось простонародное «хахаль» и «хахалица», но старшее поколение этих слов не употребляло, и наши родители страдали от безъязычья и неловкости (Эмма Герштейн. Перечень обид, 1997).*

*Слово «маргинал» в сегодняшнем лексиконе на редкость парадоксально. Оно звучит как **оскорбление** и в то же самое время обозначает одну из самых престижных культурных позиций (Прекрасные неудачники? // «Знание - сила», 2006).*

Речь может идти не о стилистической окраске выражений, а о самом содержании высказываний:

*И вообще, — снова поднял он свой разъяренный голос, — никогда не смейте просить поэта прочесть что-нибудь старое, вчерашнее. Нет хуже **оскорбления**. Потому что у настоящего мастера каждая новая вещь должна быть лучше прежних. А если она хуже, то, значит, поэт кончился (В. П. Катаев. Трава забвенья, 1964–1967).*

*Да, это только неразумный мужчина мог додуматься до песенного текста: «Мне тебя сравнить бы надо с первой красавицей». Какие могут быть сравнения! Хоть с первой красавицей, хоть с двадцать первой! Даже если это сравнение окажется в ее пользу, все равно сама мысль о возможности сравнения — уже **оскорбление!** <...> если вы хотите женщину осчастливить, скажите ей: «Ты — единственная!» И женщина будет счастлива (Аркадий Инин. Женщины и все, 1996).*

*«Хрущевская оттепель» дышала на ладан, друзей-поляков угораздило поставить у себя «Дядю» Мицкевича, что расценивалось идеологами социалистического лагеря в целом как призыв к построению социализма с человеческим лицом, что считалось **оскорбительным** прежде всего для социализма, за которым такое никогда не водилось. Эфрос поставил в Театре на Малой Бронной «Три сестры», чем, по мнению сильно состарившихся, хотя и великих мхатовцев, нанес **оскорбление** не только лично Чехову, но бросил зловещую тень на всю отечественную литературу, — многочисленные психушки уже готовились к массовому приему диссидентов, — поэтому Фурцева была настроена крайне воинственно (Марк Захаров. Суперпрофессия, 1988–2000).*

Более того, слово *оскорбление* часто используется применительно к ситуации, когда описывается не чье-либо действие в отношении человека, а которая складывается так,

что человек испытывает чувство, сходное с возникающим тогда, когда его кто-то оскорбляет.

*Каждое изменение в древнем ландшафте, новый построенный в округе дом, занятый участками кусок земли, торговые лавочки на станции, <...> — все это, невозможное в детстве, воспринималось как **оскорбление** и поругание, а настоящая Купавна осталась в прошлом (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000).*

*Я когда-то домогался ее, но был с позором отвергнут. (Каждую женщину, не принадлежащую мне, я воспринимаю как личное для себя **оскорбление**.) Теперь у нас с этой поэтессой некая полушутливая полудружба (Павел Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002).*

*Что-то огромное рухнуло, произошел обвал и загородил дороги, и отнимал дыхание. Пустели коридоры институтов, в лабораториях углы затягивались паутиной, на столах наслаивалась пыль. В это нельзя было поверить?.. Это был обрыв всей жизни! **Оскорбление!** — за что?? (А.И. Солженицын. На изломах, 1996).*

Еще одна особенность *оскорбления* состоит в том, что человек может брать на себя также оценку эмоции по поводу отношения к другому человеку, в частности умершему, или даже целому явлению. Этим *оскорбить* радикально отличается, например, от *уязвить*, через которое *оскорбить* истолковано в словарях, но которое не допускает подобного «делегирования»:

*Прямо по телефону Сахаров сделал заявление для канадского радио и телевидения, которое было распространено и другими СМИ: «Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича — месть за книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях. Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится. Мы воспринимаем арест Солженицына не только как **оскорбление русской литературы**, но и как **оскорбление памяти миллионов погибших**, от имени которых он говорит (Рой Медведев. Андрей Сахаров и Александр Солженицын, 2002).*

Оскорбление относится к памяти погибших и к русской литературе, но чувства испытывают не сами погибшие и, естественно, не литература, а академик Сахаров.

У слова *оскорбление* есть круг употребления, в котором оно обозначает само чувство, которое испытывает человек:

*Я чувствую некое внутреннее **оскорбление**, некое чувство унижения иночества, когда оно связывается с внешним комфортом, тогда как ведь иноки — это те, коим «не дается покоя до смерти» и которые, как говорили мне отцы и как уже успел испытать я сам, даже строя себе келью своими руками, не рассчитывают в ней жить (В. Д. Пришвина. Невидимый град, 1962).*

— Это дурацкий вопрос, — сказал ректор. Что-то хрустнуло во мне от **оскорбления** и обиды. Я опустил на стул, обведя растерянными глазами своих товарищей по работе. Они молчали, не глядя на меня (И. Метгер. Пятый угол, 1967).

Раздумывал долго и попеременно приходил к выводу, что история получилась постыдная и самая пошлая. Он вспоминал все эти словечки, нашептанные в точно снящейся темноте комнаты прошлой ночью, и стискивал зубы от стыда, от **оскорбления** и досады, что его обманули, запачкали, впутали куда-то... (Федор Кнорре. Орехов, 1968).

Оскорблению может подвергаться не только человек в целом, но и отдельные его аспекты – можно *оскорбить* гордость человека, его самолюбие или тщеславие, его национальную идентичность, его привязанность к близким, его талант или его любовь:

Скажу более: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнее, чем эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю, что могла снести все **оскорбления** лично мне, но не могла стерпеть **оскорблений** моего чувства. Это дело выше моих сил. (Н.С. Лесков. На ножах, 1870).

А потом — заграничные походы. И сначала — взрыв патриотизма, потом — **оскорбление** этого патриотизма невольным сравнением Европы с Россией. И искренняя уверенность в том, что главный урок Отечественной войны — необходимость становиться другими, дать народу соответствующее положение. А какое положение? (Андрей Левандовский. «Дней Александровых прекрасное начало...» // «Знание — сила», 2006).

Некоторые способности человека могут в русском языке обозначаться словом *чувство*. Это не только зрение, слух, обоняние и осязание и даже не только интуиция, которую называют *шестым чувством*. Есть некоторые способности, которые предполагают представление о ценностях: *чувство прекрасного, чувство стиля и чувство слова, чувство ритма, чувство такта и вкуса, эстетическое, нравственное чувство*. Это некая интериоризация ценностной шкалы, когда человек воспринимает этические или эстетические ценности как непосредственную очевидность. По отношению к таким способностям также используется понятие *оскорбления*:

Даже самые лучшие археологи мира не нашли бы при раскопках этих куч ничего, кроме битых кирпичей, ржавой проволоки, в лучшем случае — подошвы. Но все это могло вызвать восторг не раньше чем через пять тысяч лет. А пока **эстетическое чувство** жильцов подвергалось непрерывному **оскорблению** (Р. Яров. Вторая стадия // «Химия и жизнь», 1967).

Это стало прямым вызовом власти, десятки представителей которой — от министров до городских — были отправлены на тот свет бомбами и пулями революционеров. Депутат Михаил Стахович попытался призвать Думу осудить политические убийства, «считая их **оскорблением нравственного чувства** народа и самой идеи народного представительства». Но его голос так и не был услышан (Г. Иоффе.

Общество было утомлено. История «Выборгского воззвания» // «Наука и жизнь», 2006).

И это прямое нарушение договора, эта обида слабого сильным не возбуждают ничего противодействия. Ни оскорбление нравственного чувства, ни нарушение так называемого политического равновесия не возбуждают негодования Европы, ни ее общественного мнения, ни ее правительств, — по крайней мере, не возбуждают настолько, чтобы от слов заставить перейти к делу, — и раздел Дании спокойно совершается (Н.Я. Данилевский. Россия и Европа, 1869).

Едва ли возможно допустить к эпической самородной поэзии не только решительное оскорбление нравственного чувства, но даже и малейшее намеренное уклонение от добра и правды (Ф.И. Буслаев. Эпическая поэзия 1851).

Так же используется и сочетание *оскорбление религиозного чувства*:

Дело в том, что китайское правительство отвело европейцам ту часть Нантая, где находится одно из туземных кладбищ, и значительное количество европейских жилищ рассеяно между могилами. Снести их, чтобы разровнять и расширить путь, нельзя: это было бы таким оскорблением религиозного чувства туземцев, которое не прошло бы безнаказанным для нарушителей покоя предков, и дорожки выются, старательно обходя все могилы (В.Д. Черевков. По китайскому побережью // «Исторический вестник», 1898).

Итак, мы увидели, что слова *оскорблять*, *оскорбление* имеют чрезвычайно сложное значение, тесно связанное с самыми разными аспектами ситуации и особенностями ее участников.

Понятие оскорбления в русском юридическом языке

Однако это слово используется и в юридических текстах. Разумеется, в этом случае оно употребляется в значении более узком. Этот вопрос стал предметом довольно широкого обсуждения в связи с известным скандалом 2004 года вокруг иска журналистки Ирины Ароян к певцу Филиппу Киркорову³.

До недавнего времени в УК РФ существовала статья 130 «Оскорбление». Понятие «оскорбление» было в ней определено, и именно этим определением, согласно общим

³ Летом 2004 года на пресс-конференции Ф. Киркоров обматерил журналистку И. Ароян. Журналистка обратилась в правоохранительные органы, и Киркорову была вменена ст. 130 Уголовного кодекса РФ (Оскорбление). Ф. Киркоров представил суду лингвистическое заключение, выполненное А. Н. Барановым, научным сотрудником Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, из которого следовало, что высказывания Киркорова, скорее всего, под статью «Оскорбление» не подпадают. Дело Киркоров все равно проиграл: судья отказался принять экспертное заключение лингвиста, высказавшись в том смысле, что мы сами, мол, знаем, что эти слова значат. А вокруг лингвистического заключения разразился скандал. Вот заголовки некоторых газетных публикаций: «Эксперт: Киркоров ничего особенного не сказал»; «Игры сквернословов. О хамстве в контексте высокой лингвистики»; «Институт РАН “изобрел” для Киркорова специальные нормы русского языка». См. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza> и https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BB_%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2_%E2%80%94%D0%90%D1%80%D0%BE%D1%8F%D0%BD.

нормам права, нужно было руководствоваться: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Иными словами, оскорбление как уголовное преступление имело два признака: во-первых, высказывание самим своим содержанием должно унижать честь и достоинство другого лица и, во-вторых, должно иметь неприличную форму. Не все, что звучит оскорбительно, является оскорблением, подпадающим под статью 130 УК. Если меня спросят: «Ты диссертацию сама писала или нанимала кого-нибудь?» — я сочту такой вопрос оскорбительным, но только в бытовом, а не в юридическом смысле.

Неприличную форму высказываний разумно определять на основании следующих признаков. Форма высказывания неприлична, если там употребляются бранные, в особенности матерные слова и выражения, а также иная обценная лексика (слова, фонетически близкие к матерным и отсылающие к ним, некоторые слова тюремного жаргона, иные стилистически сниженные слова негативно-оценочной семантики). В словарях такие слова отмечаются как бранные, обценные, неприличные, непристойные. Публичное использование такого слова — это сквернословие. Кроме того, неприличны по форме высказывания, где негативная оценка человека выражается со ссылкой на интимную сферу (половые органы, сексуальные отношения, физиологические отправления и т. п.⁴), даже если эта ссылка делается без бранных слов (Цена слова, 2001). Так, слово *бл*дь* имеет два режима употребления — полнозначный и междометный. В первом случае это существительное, которое может иметь следующие значения: ‘проститутка’, ‘развратная женщина’ или просто ‘безнравственная, недостойная женщина или непорядочный, беспринципный человек, независимо от пола’. Если человека называют *бл*дью*, все равно, в прямом или переносном смысле, то это в смысле статьи 130 УК — оскорбление, поскольку это слово а) указывает на аморальное поведение и б) непристойно.

При междометном употреблении слово *бл*дь* выражает чувства говорящего, чаще всего такие, как раздражение или досада, но нередко и другие — удивление, даже радость и т. д. Ср.: *Ну, бл*дь, что за погода! Устал, бл*дь, как собака.* В таком случае слово *бл*дь* не относится к собеседнику или какому-либо другому человеку. Кстати, в последнее время многие люди предпочитают различать существительное и междометие орфографически и пишут в междометном употреблении *бл*ть*.

В обоих случаях данное слово является нецензурным, а высказывания с ним неприличны по форме, но при междометном употреблении оно не относится к конкретному лицу, то есть не может рассматриваться как оскорбление (хотя в бытовом смысле кто-нибудь может сказать, что для него *оскорбителен* сам факт сквернословия в его присутствии).

Конечно, на то, насколько *оскорбительным* окажется высказывание, влияют многие факторы. Например, слово *козел* (в качестве бранного) — очень трудное слово. У него два режима употребления — так сказать, безобидный и обидный, вернее, оскорбительный. Безобидно *козлами* ругаются дети в школе, барышни, студенты. Но для человека, связанного с культурой зоны и лагеря, *козел* — это смертельно. Не зря же появилось выражение *за козла ответишь*.

---

⁴ Тут, кстати, можно обратить внимание на следующее. Раньше в русской брани сексуальная тематика отчетливо преобладала, и в этом было ее своеобразие. Однако в последнее время на первый план выходит анально-фекальная составляющая.

В вопросе о *неприличной форме* при отсутствии обценной лексики обвиняемый может сказать: мол, это вы во всем видите похабщину, а я ничего такого не имел в виду. А как это доказать, если высказывание не содержит непристойной брани? В одной из телепередач о Ю. Лужкове тележурналист С. Доренко сказал, что он, Доренко, «ущемил ему (Лужкову) достоинство». Фраза звучала неприлично, на что и указала Г. Крылова, адвокат Лужкова. В следующих передачах Доренко постарался создать впечатление, что Крылова видит непристойность там, где ее нет, что само слово «достоинство» применительно к Лужкову она якобы понимает исключительно в непристойном значении. Причем сделано это было снова в оскорбительной, неприличной форме: «Адвокат Лужкова настаивала не менее двух раз, что слово “достоинство” в применении к мэру Москвы не может означать моральные качества. В применении к мэру слово “достоинство”, по-видимому, означает такую разновидность какого-то непотребства, о котором адвокат мэра знает, видела даже, но никому не скажет». Далее Доренко варьировал ту же мысль: «Не нам судить. Доверитель Лужков, несомненно, мог показать адвокату то, что они между собой называют его достоинством. Или, по крайней мере, описать это что-то. И очень может быть, что у Крыловой есть основания оценивать это что-то у мэра как вполне пошлую вещицу. Но я категорически против того, чтобы мне приписывали осведомленность в их секретах подобного рода. Мне также кажется неуместным, что адвокат дает понять судье, что и судья тоже в курсе. То, что, как Вы видели сейчас, адвокат говорит судье, что Вы, дескать, Ваша честь, и сами понимаете, какая это мерзость, вот это самое достоинство, у мэра-то».

Между тем лингвистический анализ показывает, что в выражении «ущемил ему достоинство» С. Доренко использовал форму дательного падежа *ему*, в то время, как по-русски нельзя сказать, например, «задел ему честь», «уязвил ему самолюбие» (здесь должно быть не «ему», а «его»), но говорят, например, «оцарапал ему щеку», «прищемил ему палец». Поэтому и выражение «ущемил ему достоинство» предполагает, что речь идет о части тела. А поскольку у слова «достоинство» в русском языке есть разговорное значение «мужской половой орган», то фраза имеет исключительно неприличный смысл.

Итак, применительно к высказываниям мы можем выбирать между двумя пониманиями неприличной формы: узким (только обценная лексика) и широким (выражение негативного отношения через грубую апелляцию к «телесному низу», пользуясь формулировкой М.М. Бахтина). Если выбирать самое узкое и строгое понимание, то тут можно ориентироваться на указание Роскомнадзора, который относит к нецензурным всего четыре корня: «Нецензурное обозначение мужского полового органа, нецензурное обозначение женского полового органа, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения, а также все образованные от этих слов языковые единицы» (<https://rkn.gov.ru/press/publications/news23346.htm>), которое полностью эту проблему не решает, так как все равно остается вопрос, какая степень замаскированности нарушает тождество (замена букв, звездочки, созвучия и т. п.), но приближает нас к решению.

При этом надо учитывать, что наше понимание должно быть единым не только по отношению к административному и уголовному законодательству, но и по отношению к гражданским делам. В силу разъяснений, содержащихся в п. 6 «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.), при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что

содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения могут являться предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, только если они носят оскорбительный характер, что предполагает неприличную форму выражения негативной информации.

Узкое понимание кажется как будто более предпочтительным в силу большей объективности и меньшего поля для разного рода спекуляций. Однако оно имеет тот существенный недостаток, что мы в этом случае жестко отделяем анализ формы высказываний от анализа, скажем, изображений. При том что не секрет, что во многих случаях объект исследования включает и словесную составляющую, и изобразительную. Не хотелось бы подходить к ним с абсолютно разными критериями.

Теперь место *оскорбления* в законе изменилось. В ходе «медведевской» гуманизации Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» преступления, предусмотренные статьями 129 и 130 УК РФ, были декриминализованы и включены в разряд административных правонарушений, предусмотренных статьями 5.60 «Клевета» и 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). «Клевету» потом вернули в УК, а «Оскорбление» — пока нет: оно находится в КоАП РФ.

Интересно, однако, другое. В УК осталась статья 319 «Оскорбление представителя власти» (*публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением*). И вот как же нам понимать здесь слово *оскорбление*? Определение, которое давало хоть мало-мальски объективные критерии, ушло из УК вместе со статьей «Оскорбление». Теперь никаких указаний насчет неприличной формы как конституирующего признака *оскорбления* в УК нет. И как знать, в чем иной ранимый чиновник может усмотреть для себя *оскорбление*? Может, его честь пострадает просто от того, что кто-то его обсуждает, критикует, а не только воспеает? Что вообще все поминает его имя? Например, чиновники стали в последнее время подавать иски по поводу нарушения «права на имя» из-за того, что в публикации их называли просто по фамилии. Что уж тут говорить об оскорблении.

Лингвисты, занимающиеся судебной лингвистической экспертизой, хорошо понимают опасность, порождаемую осцилляцией бытового и юридического значений слова *оскорбление*. Приведем здесь замечательные слова И.А. Стернина, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Воронежского государственного университета, действительного члена Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), председателя Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов:

Нельзя использовать неопределенное бытовое субъективное понимание оскорбления в законодательном тексте. Необходимо ясное и четкое определение любого используемого в законодательстве понятия, набор конкретных исчерпывающих признаков (подобно тому, как рассматривается оскорбление в исках об оскорблении и унижении чести и достоинства).

Говоря о юридическом понимании оскорбления, мы прежде всего подразумеваем продуманное и самостоятельное разъяснение данного понятия, приведенное в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации в феврале 2005 г. Как отметил Верховный Суд, оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, требует доказательства, что имело место унижение чести и достоинства (сообщение о нарушении моральных норм или законов), что это сообщение было публичным, имело нецензурную форму языкового выражения и не соответствует действительности). При отсутствии хотя бы одного из перечисленных квалифицирующих признаков отсутствует и оскорбление.

При этом, исходя из судебной трактовки, оскорбление может быть инкриминировано только лицу, но не организации или группе лиц. Организация или группа лиц не может подать иск об оскорблении, а только об умалении чести и деловой репутации, что совершенно справедливо и давно применяется в судебной практике.

Организацию или группу оскорбить нельзя — возникающее при оскорблении чувство большой обиды на данную ему негативную характеристику как лицу, его действия или негативно воспринимаемый лицом факт, действие в его отношении являются глубоко индивидуальной, субъективно-эмоциональной реакцией отдельного человека на чью-либо критику в отношении организации, в которой данный человек работает, выполняет какую-либо функцию, занимает какой-либо статус. Вся группа не может одновременно испытать абсолютно идентичную (одну и ту же) эмоциональную реакцию.

При этом возможен корпоративный сговор по предъявлению обвинений в оскорблении группы. Это в духе русского менталитета и здесь как раз уместно напомнить слова Н. В. Гоголя: «Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумей и о всех званиях и чинах» (Н.В. Гоголь. «Нос»).

Общезвестны неоднократные в прошлом попытки правоохранительных органов рассматривать критику их деятельности как «возбуждение ненависти к правоохранительным органам в целом как социальной группе». Но представляется, что если какой-либо гражданин считает, что его оскорбили как представителя какой-то социальной, профессиональной, национальной или иной группы — например, как представителя органа власти, религии, территориальной администрации, — то такой гражданин должен лично обратиться с иском об оскорблении и доказать, чем конкретно именно лично его что-то оскорбило, обосновать, что его оскорбляет.

При этом любая критика, негативная оценка деятельности не может оскорблять, она, конечно, может огорчать, но за это никак не может следовать правовая ответственность. Преследование за критику — это

уже нарушение конституционного принципа «Каждому гарантируется свобода мысли и слова» (статья 29 Конституции России). <...>

Оскорбление нельзя отождествлять и с хамством, исключительно распространенным в условиях толерантного общества или общественного безразличия. Хамство — это грубое нарушение правил общения и поведения. Однако эти правила также не нормированы и определяются чисто общественными традициями, которые к тому же подвержены изменениям. Борьба с хамством — только общественное осуждение или ведомственное наказание по жалобе. Закон не может наказывать за нарушение не установленных им правил⁵.

Оскорбление религиозных чувств

26 июня 2013 года одобрен Советом Федерации закон, по которому статья 148 УК РФ выглядит так:

Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий

1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, — наказываются... и т. д.⁶

При этом защитники религиозных чувств всегда подчеркивают, что, мол, так было и в России, которую мы потеряли. Между тем тут есть одна тонкость лингвистического свойства. В дореволюционной России бытовала преимущественно формулировка: *оскорбление религиозного чувства* — в единственном числе. Так, у Брокгауза и Ефрона читаем: «Святотатство <...> — имущественное посягательство, направленное на священные или освященные предметы, включает в себе два момента: корыстную цель <...> и оскорбление **религиозного чувства** верующих». Сейчас же резко преобладает форма множественного числа — *религиозные чувства*. Обращение к Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru) показывает, что статистически это изменение прослеживается абсолютно четко.

Категория числа у существительных устроена весьма нетривиально. Это только в самых простых случаях формы единственного и множественного числа соотносятся как один — более одного (*стул — стулья*). В иных же случаях все не так очевидно. Так, если речь идет не о легко считаемых предметах, то может иметься только одна числовая форма, все равно какая. Например, *сметана* всегда в форме единственного числа, а *сливки* — множественного. Но разницы, в общем-то, никакой. Да в диалектах часто можно услышать не *сливки*, а *сливок* — в единственном числе.

Или, скажем, *неприятность* и *неприятности* скорее всего различаются не тем, что *неприятность* одна, а *неприятностей* непременно много. Дело в другом. Если сказать: *У меня неприятность*, — собеседник будет смотреть на вас выжидательно, готовый сочувственно выслушать рассказ о ваших злоключениях. Если же сказать: *У меня неприятности*, — то продолжение уже не обязательно. Человек может таким образом просто пояснять, почему опоздал на работу или не пойдет на банкет. С другой

⁵ <http://rusexpert.ru/news/chl-gldi-pf-i-ti-btilya-v-gd-f-v-vyazi-bzhdim-pkt-fz-954048-7-pl-g-piyatiya-v-pvm-ctii.html>.

⁶ <http://www.rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html>.

стороны, продолжением фразы *У меня неприятности* может служить и указание всего на одну неприятность, а не только на целый перечень. *У меня неприятности: компьютер сломался*. Просто *неприятность* здесь — это что-то конкретное, *неприятности* же — нечто неопределенное, что человек не обязательно должен конкретизировать. Или вот сравним фразы: *Какой у тебя план?* и *Какие у тебя планы?* Если я спрашиваю: *Какой у тебя план?* — я исхожу из того, что у собеседника есть в голове последовательность предполагаемых действий, и хочу выяснить, что это за последовательность. Если же я спрашиваю: *Какие у тебя планы?* — я интересуюсь видами собеседника на будущее в самом общем виде, никаких предварительных гипотез у меня нет: *Какие у тебя планы? Может, сходим куда-нибудь?*

Теперь вернемся к *религиозным чувствам*. Многим людям эта формулировка кажется немного странной: сколько же, мол, религиозных чувств у человека? Некоторые даже говорят, что *защита религиозных чувств* — это как *защита чести и достоинств*. Однако множественное число *чувства* выражает здесь не идею множественности, а скорее идею неопределенности, как в примерах с *неприятностями* и *планами*. Грубо говоря, *оскорбить религиозное чувство* — значит оскорбить человека в его вере. Точнее, *религиозное чувство* — это не совсем вера, а эмоциональное переживание веры или эмоциональная составляющая веры. Если же говорится, что человек *оскорблен в религиозных чувствах* (во множественном числе), это может указывать на очень широкий и неопределенный спектр эмоций. Например, человеку помешали испытывать умиление или усомнились в его моральном превосходстве над иноверцами. Или, скажем, поколебали его вековые предрассудки и суеверия, в которых он, может быть, не так уж глубоко отдавал себе отчет, но которые придавали его жизни простоту и устойчивость.

Вот, например, что пишет о религиозном чувстве философ Владимир Соловьев:

Если там, среди представителей просвещения, остаток религиозного чувства заставлял его бледнеть от богохульств передового литератора, то тут, в мертвом доме, это чувство должно было воскреснуть и обновиться под впечатлением смиренной и благочестивой веры каторжников (Соловьев, 1990).

Весьма показательная история с *религиозным чувством* произошла в России в начале прошлого века. Великий князь Константин Константинович Романов был, как известно, литератором, подписывавшим свои сочинения *К. Р.* И вот его драма «Царь иудейский» была запрещена к представлению на театре. По этому поводу есть совершенно замечательное письмо архиепископа Сергия (Страгородского) от 28 июля 1912 года. Автор пишет: «Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было почтить меня письмом по вопросу о разрешении к сценической постановке драмы “Царь Иудейский”. Святейший Синод обсудил этот вопрос, пришел к заключению, что драма <...> излагает события, которых она касается, с соблюдением верности евангельскому повествованию и, проникнутая благоговейною настроенностью, может вызвать в душе верующего <...> много высоких, чистых переживаний, способных укрепить его веру и любовь к Пострадавшему за спасение мира». Далее говорится о том, что в виде театральной постановки драма произведет на душу зрителя еще более благотворное влияние, однако намного большим будет вред, ибо драма, «отданная на современные театральные подмостки <...> утратит свой возвышенный духовный характер, превратившись в обычное театральное лицедейство, при котором главный интерес не в

содержании, а в том, насколько искусно играет тот или другой актер. Но если **религиозное чувство** оскорбляется так называемым театральным чтением и пением в церкви, то тем более оно должно будет возмущаться, когда наивысший предмет его благоговения делается Материалом для сценических опытов заведомых профессиональных лицедеев»⁷. И далее есть еще примечательная формулировка: *щадя религиозную совесть зрителя*. Какой бы странной ни казалась эта логика многим современным людям, особенно с детства привыкшим к прекрасной рок-опере Jesus Christ Superstar и ее мелодиям, но по крайней мере здесь вполне ясно изложено, каким именно образом пострадает *религиозное чувство*: зритель будет развлекаться, отвлекаться, собственно религиозное переживание будет перебиваться переживанием эстетическим.

Что же касается представления об *оскорблении религиозных чувств*, с которым мы сталкиваемся сейчас, боюсь, едва ли кто-то сможет столь же четко очертить круг этих чувств и тех вещей, которые их могут *оскорбить*. Вообще, похоже, что чувства наши становятся все более ранимыми, что нами вообще овладевает мания обидчивости. И куда еще заведет воспаленная законотворческая мысль, остается только гадать.

Статья 148: трудности понимания и правоприменения

Теперь вернемся к формулировке статьи:

Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий

1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, —

наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

Формулировка этой статьи порождает массу проблем.

Во-первых, плохо понятно, как соотносится здесь действие и его цель: получается, что действие выражает явное неуважение к обществу, а цель его — совершить действие, в грубой форме выражающее крайнее неуважение.

Во-вторых, проблему представляет понятие *оскорбления*, в-третьих его приложение не к человеку, а к объектам другого рода (чувствам), в-четвертых, законодатель не определил понятие *религиозного чувства* (да и вообще *религии*) и *верующего*.

Проблематично провести границу между действиями, описанными в этой статье, и хулиганством, с одной стороны, и разжиганием религиозной розни — с другой.

По замыслу Ст. 148 обеспечивает Ст. 28 Конституции Российской Федерации:

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими

---

⁷ <http://istmat.info/node/34506>

любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Однако если в Конституции следование какому-либо религиозному учению и атеизм подаются как равноправные опции, то в УК оказывается защищенной только одна из этих опций. Эта асимметрия сразу бросилась людям в глаза, постоянно можно встретить аргументы типа следующего: «А чувства неверующих у нас "защищают" так же рьяно? Уже кто-нибудь сел за фразу "бог есть"? Кстати, что там с Дедом Морозом — он теперь есть или нет? Как бы не загреметь на нары» (Это написал на своем сайте известный переводчик и публицист Дмитрий «Гоблин» Пучков, и его высказывание широко цитировалось в СМИ). Ситуация усугубляется тем, что многие люди, которые хорошо помнят, как в СССР можно было навлечь на себя серьезные проблемы из-за проявлений религиозности, еще даже не достигли пенсионного возраста: столь быстрое изменение вектора на прямо противоположный не всем кажется естественным.

Приведем здесь также фрагмент выступления в суде Виктора Краснова («Бога нет»):

Истцы приводят еще одну цитату из Нового Завета, в которой они употребляют по отношению ко мне слово «еретик». То есть верующий человек, сознательно отклоняющийся от господствующих религиозных догматов. Это оскорбительно для меня, так как я атеист и не придерживаюсь никаких религиозных догматов вообще⁸.

Наконец, нельзя не отметить, что проблему создает и идея **публичности**. В подавляющем большинстве дел этой категории речь идет о высказываниях в социальных сетях. Сложность здесь в том, что люди обычно воспринимают диалог в социальных сетях как форму частного общения с конкретными собеседниками. При частном общении модус и стиль коммуникации формируется в результате подстраивания собеседников друг под друга: каждый говорящий имеет перед собой образ и речевой портрет конкретного адресата высказывания. Однако если беседа лежит в открытом доступе, то возможным адресатом текста становится любой человек и стилистические конвенции, в неявном виде существовавшие между участниками, перестают действовать. Эта проблема общая для коммуникации в соцсетях, однако там, где речь идет, допустим, о клевете или сепаратизме, это не критично, там важно содержание высказываний, а не стиль. В тех же случаях, когда речь идет об оскорблении или, допустим, о «чувствах верующих» (где понятие оскорбления включено в определение), стилистические характеристики текста оказываются решающими. К тому же при общении в социальных сетях сказанное автоматически фиксируется, чем создается готовый материал для судебного дела.

---

⁸ <https://www.svoboda.org/a/27584878>.

В правоприменительной практике статья о «чувствах верующих» представлена довольно мало. См. данные центра «Сова»:

		2021	2020	2018	2017	2016	Всего
1	Алтайский Край			<u>1</u>	<u>1</u>		<u>2</u>
2	Белгородская Область				<u>1</u>		<u>1</u>
3	Воронежская Область		<u>1</u>				<u>1</u>
4	Забайкальский Край	<u>1</u>					<u>1</u>
5	Калининградская Область	<u>1</u>					<u>1</u>
6	Кировская Область				<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>
7	Краснодарский Край				<u>1</u>		<u>1</u>
8	Орловская Область	<u>1</u>					<u>1</u>
9	Республика Калмыкия					<u>1</u>	<u>1</u>
10	Республика Марий Эл					<u>1</u>	<u>1</u>
11	Республика Татарстан			<u>1</u>			<u>1</u>
12	Свердловская Область				<u>1</u>		<u>1</u>
13	Хабаровский Край				<u>3</u>		<u>3</u>
Всего		<u>3</u>	<u>1</u>	<u>2</u>	<u>8</u>	<u>4</u>	18

Источник: https://www.sova-center.ru/database/sentences/?date_start=01%2F01%2F2013&date_end=01%2F04%2F2021&article=148&decision=583&xfield=region&yfield=y&nr=conviction&show=1.

Аналогичные данные дает и МВД, см.: <https://news.ru/russia/mvd-podschitalo-kolichestvo-del-ob-oskorblenie-chuvstv-veruyushih/>.

Более подробно см. доклад Агоры: <https://docs.rferl.org/ru-RU/2019/05/15/2c34ddd0-e18a-479a-949f-9bef068e6cad.pdf>, а также <https://newsvo.ru/press/120226>.

Обычно такие дела заканчиваются штрафом или обязательными работами, реальные и даже условные сроки даются, как правило, если Ст. 148 вменяется в сочетании с другими (обычно «экстремистскими»). Приведем несколько примеров.

В Сочи в 2017 году вынесен обвинительный приговор Виктору Ночевнову, на странице которого обнаружены карикатурные изображения Христа с нецензурными надписями и использованием нацистской символики. Суд счел подобные картинки оскорбительными, а мотивом признал оскорбление чувств верующих. Решение — штраф 50 000 руб.

В 2016 году в Оренбурге суд наложил штраф в размере 35 000 на преподавателя Сергея Лазарова за написанную им статью «Злой Христос», в которой Христос был назван убийцей и тираном.

В 2017 году в Екатеринбурге завершился скандальный судебный процесс по делу «о ловле покемонов» в одном из местных храмов. Осужденный Соколовский играл в эту виртуальную игру, снабдив снятое видео комментарием, в котором назвал Иисуса «самым редким покемоном». Приговор — 3,5 года условно. Суд усмотрел в этих действиях не только оскорбление религиозных чувств, но также возбуждение ненависти.

В 2021 году жителя Орловской области оштрафовали на 75 тысяч за комментарии о Деве Марии (содержание комментария выяснить не удалось).

Разберем подробнее кейс Виктора Краснова (более всего известный фразой БОГА НЕТ). См. о нем также: <https://www.kommersant.ru/doc/2962521> и https://vk.com/wall-57819359_134358.

В 2016 году в г. Ставрополе состоялся процесс по делу В. Краснова, который написал на своей странице: «Боха нет» и определил Библию как *сборник еврейских сказок*. Суд начал заседание, однако вскоре закрыл дело по причине истечения установленных сроков подачи иска. Суть дела такова. 11 октября 2014 года в группе социальной сети «ВКонтакте» под названием «Подслушано Ставрополь» некая девушка разместила пост следующего содержания: «Моя мама говорит, что в семье должна быть я главной, т. к. я женщина, а брату, что он должен жену свою держать в ежовых рукавицах, т. к. он мужчина. Никто из нас не выполняет мамины наставления». Это стало причиной дискуссии между тремя пользователями-мужчинами — Виктором Колосовым (сетевое имя Краснова), Дмитрием Бурняшевым и Александром Кравцовым. «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог», — написал Дмитрий Бурняшев. После паузы Колосов поинтересовался: «Дмитрий, откуда такая херня? Домострой что ли?» «Виктор, Библия, Новый завет, а

именно „Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам“, — ответил Бурняшев, прибавив: «Виктор, в следующий раз аккуратнее с выводами и громкими фразами».

Это высказывание вызвало раздражение Краснова-Колосова: «Дмитрий, с какими выводами и фразами? Если я говорю, что сборник еврейских сказок под названием «Библия» — полная ****, значит, так и есть!) По крайней мере, для меня !)))» Далее в этой и еще одной дискуссии последовали фразы Краснова: «Дмитрий, ню-ню) много вас здесь таких, ПГМнутых⁹ вразумлявцев. Боха нет!», «Александр, на бохаслужебную макулатуру и на чуйства верующих насрать! Кому не нравится, могут подать на меня в суд!»; «Да кому нахер сдались твои кривославные жидовские праздники?((Праздник Пейсах, рождение и крещение еврея! Эти «праздники» праздновать надо?)) Нет уж!» Бурняшев и Кравцов действительно обратились в суд.

Упорная работа адвоката Андрея Сабинаина позволила не только в конце концов закрыть дело, но и высветить те узкие места Ст. 148, о которых шла речь выше. Во-первых, как уже говорилось, в действительности мутное понятие «оскорбление чувств верующих» фигурирует в той части статьи, где описывается целеполагание: человек имел цель оскорбить чувства верующих. То есть он что-то говорит, чтобы другому человеку было неприятно, как в следующем примере:

Приют помещался в женском монастыре. Ребята дразнили монашек <...> один раз в церковь дверь открыли и прокричали: Ленин! Троицкий! Совнарком! Матушки в Губнаробраз жаловались (Л. Сейфуллина, Правонарушители, 1922)¹⁰.

Однако в деле Краснова все обстояло иначе, и коммуникативная цель у Краснова была совершенно иной: он отстаивал свою точку зрения на равноправие полов. Именно поэтому адвокат Сабинин настаивал на восстановлении полного текста беседы, в то время как обвинение основывалась на вырванных из контекста отдельных репликах (при этом потерпевшие до обращения в суд стерли часть переписки).

Сам Виктор Краснов, выступая в суде, также обращал внимание на то, что его коммуникативная цель была иной:

Я не хотел никого оскорбить, высказывая свое мнение не в церкви или в каком-то религиозном сообществе, а в развлекательном сообществе, где религиозные вопросы никогда не обсуждались. В процессе обсуждения появились цитаты явно религиозного содержания. Почему лица, считающие этот фрагмент текста священным, размещают его в совершенно не подходящем месте, в юмористическом разделе, где многие могут этот текст осмеять и оскорбить?

Истцы ввели меня в заблуждение, не указав авторство и источник текста, я подумал, что эта цитата является отрывком из Домостроя, который пропагандирует физическое насилие в отношении жен и детей,

⁹ ПГМ — сокращение выражения *православие головного мозга*.

¹⁰ Интересно, что в более поздних изданиях слово «Троицкий» цензурировалось, видимо, чтобы не оскорблять чувства читателей.

и я обругал этот отрывок. Но после того, как истицы указали, откуда эта цитата, я успокоился и сказал, что все понял¹¹.

В этом деле проявилась и характерная для Ст. 148 референциальная неопределенность «верующих». Прочитируем еще один фрагмент выступления Виктора Краснова в суде:

*Когда я сказал, что чувства верующих мне безразличны, я имел в виду **не всех верующих в целом, а своих оппонентов, которые утверждали, что они верующие.** Я как раз считаю, что люди, агрессивно навязывающие религиозные убеждения и угрожающие собеседнику, оскорбляющие его, **не могут быть верующими христианами,** так как христианство диктует своим последователям абсолютно другие нормы поведения – терпение, смирение и любовь к ближнему¹².*

В деле Краснова представляется очень важным следующее. Большой общественный резонанс вызвало то, что ему вменяли в вину фразу *Бога нет*¹³. В ответ другие граждане возмутились, обвиняя первых в искажении фактов, поскольку кроме фразы *Бога нет* в тексте было много другого, в том числе непристойных выражений по отношению к священным объектам, подчеркивая, что судят Краснова не за атеизм, а за оскорбления в сети. Это верно, в фабуле обвинения Краснова фигурировала не только эта фраза. Однако существенно, что она в обвинении действительно была. И этот факт нельзя признать незначительным или случайным. Это своего рода пробный шар и важный прецедент. В подтверждение приведем фрагмент Решения № 2А-626/2020 2А-626/2020~М-576/2020 М-576/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 2А-626/2020 Ленинского районного суда г. Грозного (Чеченская Республика):

Статьей 148 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

*По смыслу действующего законодательства под указанное поведение подпадает **выступление атеиста на каком-либо собрании либо в средствах массовой информации, который будет отстаивать свою точку зрения о том, что бога нет.** Чувства верующих могут затронуть рисунки, картины, барельефы на зданиях, песни, танцы и многое другое¹⁴.*

¹¹ <https://www.svoboda.org/a/27584878.html>.

¹² Там же.

¹³ Точнее, в его тексте было написано «Боха нет» – здесь обыгрывается старшая или церковная орфоэпическая норма, согласно которой в формах Бога, Богу и т. п. произносится фрикативное «г», а в форме именительного падежа Бог оно оглушается в звук «х», а не «ж», как в большинстве слов, например *флаг*.

¹⁴ https://sudact.ru/regular/doc/IXX1jiGJYAgW/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1625916147998.

Как мы видим, здесь прямо сказано, что фраза «Бога нет» оскорбляет религиозные чувства. Так что перспективы открываются самые радужные. Что касается дела Краснова, то можно было бы отметить за пределами низкий уровень экспертизы и неспособность экспертов мотивировать свои оценки (в суде они ссылались на то, что так чувствуют). Но мы не будем на этом подробно останавливаться, так как в силу мутности самой статьи о «чувствах верующих» трудно себе даже представить четкие методологические основания для экспертизы по ней.

Надо заметить, что и само определение «верующий» неоднозначно. Дело здесь не только в том, что вопросы вызывает круг охраняемых верований (например, неясно, входят ли в него не запрещенные, но достаточно экзотические культы), не говоря уже о том, что и определение религии в законодательстве отсутствует, а в практике одни и те же учения то относятся, то не относятся к религиозным. Пожалуй, еще более серьезную проблему представляет отсутствие единого понимания того, что, собственно, означает «быть верующим». Достаточно ли, если человек сам называет себя, например, православным? Или нужно, чтобы он еще и понимал, о чем говорит? Или нужны подтверждения того, что он ходит в церковь, постится и т. п.? И нужно ли, чтобы обвиняемый при этом, обращаясь к слушателям, заранее знал, что они являются верующими именно в определенном (на самом деле не определенном) смысле?

Интересно, что именно этот вопрос стал камнем преткновения в деле военнослужащего Сухова — редчайшем, если вообще не единственном, случае, когда по Ст. 148 суд вынес оправдательный приговор.

Поводом для преследования послужила совершенная Суховым 13 марта 2016 года в кладовой роты войсковой части попытка уничтожить принадлежавший одному из его сослуживцев нательный крестик «посредством его плавления газовой горелкой, разрубления топором и расплющивания молотком». С точки зрения владельца крестика, Сухов действовал «с целью показать свое превосходство, привлечь внимание сослуживцев и оскорбить чувства верующих». Суд оправдал Сухова за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку счел, что тот **не мог знать наверняка**, что владелец крестика и случайный свидетель попытки уничтожения крестика — еще один сослуживец Сухова, который проходил мимо кладовой, **являлись верующими**. 14 марта 2017 года на заседании во Владивостоке Тихоокеанский флотский военный суд утвердил решение Уссурийского гарнизонного военного суда¹⁵.

Весьма показательны также и уже упомянутое дело Виктора Краснова («Бога нет»). «Потерпевшие» Кравцов и Бурняшев на первые заседания суда не являлись и в конце концов были доставлены приводом. При этом они пытались говорить не от своего имени, а **от имени православной веры**, а сторона защиты, в свою очередь, старалась продемонстрировать, что по крайней мере один из них имеет о христианской доктрине довольно отдаленное представление.

---

¹⁵ Апелляционное постановление № 22-26/2017 от 14 марта 2017 г. по делу № 22-26/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. 2017.

В этом случае совершенно очевидна также референциальная неопределенность обозначения *верующие*. Идет ли речь о верующих вообще или о конкретных людях или даже конкретном человеке?

Так, на барнаульском сайте «Лингва-эксперт» Ст. 148 понимается по аналогии со Ст. 282 (собственно, очень часто прямо говорят о преемственности между этими статьями, увязывая появление Ст. 148 с частичной декриминализацией Ст. 282):

С лингвистической же точки зрения пока можно констатировать только следующие параметры коммуникативной ситуации оскорбления чувств верующих:

- 1. реализация коммуникативной цели оскорбить, унижить **представителей группы лиц, объединенных по религиозному признаку**;*
- 2. использования в тексте лексических, изобразительных и иных средств, нарушающих нормы коммуникативной этики (нецензурных слов, изображений полового акта и половых органов и т.д.).*
- 3. ситуация коммуникации: отнесенность к религиозной парадигме¹⁶.*

При таком понимании, если какой-то человек, например, глумится над религиозным экстазом другого отдельного человека, это как будто бы не относится к Ст. 148. Подразумевал ли это законодатель, мы не знаем.

Разное понимание объема и содержания понятия *верующие* ярко проявилось в общественной дискуссии по поводу все того же дела Краснова. Приведем характерный фрагмент из его речи в суде:

Истцы приводят еще одну цитату из Нового Завета, в которой они употребляют по отношению ко мне слово «еретик». То есть верующий человек, сознательно отклоняющийся от господствующих религиозных догматов. Это оскорбительно для меня, так как я атеист и не придерживаюсь никаких религиозных догматов вообще. <...> Когда я сказал, что чувства верующих мне безразличны, я имел в виду не всех верующих в целом, а своих оппонентов, которые утверждали, что они верующие. Я как раз считаю, что люди, агрессивно навязывающие религиозные убеждения и угрожающие собеседнику, оскорбляющие его, не могут быть верующими христианами, так как христианство диктует своим последователям абсолютно другие нормы поведения — терпение, смирение и любовь к ближнему¹⁷.

Более того, в интернет-дискуссиях фигурировали даже такие саркастические аргументы: мол, никто из вас, называющих себя верующими, не может двигать горы, как предписывает ваша же собственная доктрина, значит, в соответствии с вашим же учением вы не можете называться истинно верующими.

---

¹⁶ <http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-chuvstv-veruyushchikh-lingvistika/>.

¹⁷ <https://www.svoboda.org/a/27584878.html>.

Новое определение оскорбления в КоАП

Итак, трудности в применении Ст. 148 УК РФ, как мы видели, связаны отчасти с тем, что она включает понятие *оскорбления*, толкование которого есть в статье, которая теперь находится в КоАП, а оно, в свою очередь, включает понятие *неприличной формы*. С пониманием «неприличной формы» есть определенные сложности, но все же оно хотя бы до некоторой степени поддается формализации.

Однако недавно произошло событие, которое на первый взгляд не имеет прямого отношения к уголовной ответственности за «оскорбления чувства верующих», но последствия которого могут быть чрезвычайно серьезными. Речь идет о внесении изменений в КоАП РФ. Теперь статья «Оскорбление» звучит так:

*Статья 5.61 КоАП РФ. Оскорбление (действующая редакция). 1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной **или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности** форме...¹⁸*

И это толкование практически полностью размывает границы понятия *оскорбления*: ведь если в трактовке неприличной формы можно прийти хотя бы к относительному согласию, то добавление «**или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности**» делает это невозможным. Вообще трудно себе представить, о каких «общепринятых» нормах идет речь. Восприятие тех или иных выражений как неприятных и обидных субъективно, оно чрезвычайно сильно различается в разных социальных слоях, а кроме того, очень быстро меняется. Чтобы это увидеть, можно обратиться хотя бы к недавней книге Марии Бобылевой «Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать» (М., АСТ, 2021).

Уже упомянутый лингвист И.А. Стернин резко критиковал это изменение еще на этапе обсуждения (тогда обсуждалась немного другая формулировка – «**в иной (унизительной, оскорбляющей общественную нравственность) форме**»:

Понятие «оскорбление» в правоохранительной системе и общественном сознании является неопределенным, нечетким и в связи с этим предполагающим вариативное толкование. <...> Данное понятие необходимо не расширять, а сужать, четко определив признаки оскорбления в виде закрытого перечня и родовидового соотношения используемых в российском законодательстве понятий. <...>

Общественная нравственность — понятие нематериальное, абстрактное и по содержанию неопределимое, поскольку является оценочным. Нельзя оскорбить общественную нравственность — именно потому, что это неопределяемое оценочное понятие по-разному трактуется разными лицами, представителями разных слоев населения, профессиональных групп, а также понимается по-разному и изменяется с течением времени. <...>

---

¹⁸ Статья 5.61 КоАП РФ. Оскорбление — «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021).

*В силу абстрактности, неопределенности и оценочности понятия «**общественная нравственность**» любое наказание за «оскорбление общественной нравственности» (как и за «оскорбление» чьих-либо чувств) не имеет материального, необходимого и достаточного правового основания.*

*Могут быть нарушены некоторые правила поведения в отношении представителей той или иной социальной группы, конфессии, — за этим всегда следуют общественное осуждение, какие-то меры общественного воздействия, но никак не правовое наказание. <...> Понятие «**иная форма**» <...> создаст не просто огромное, а неограниченное поле для злоупотреблений, субъективизма и манипуляций, возможность расправ с «неудобными» людьми, поскольку может трактоваться кем угодно и как угодно¹⁹.*

Мнение лингвиста не было принято во внимание, «иная форма» вошла в текст КоАП. Если это расширительное понимание *оскорбления* будет в правоприменительной практике распространено и на Ст. 148 УК, это создаст возможность неограниченно широкого ее использования.

Юристы и правозащитники не склонны усматривать большую опасность в Ст. 148: считается, что она мало применяется и не наносит особого вреда (см., например: <https://newsvo.ru/press/120226>). Однако изменения в КоАП создают в этом месте простор для абсолютного произвола. А «спящая» статья в любой момент может начать активно применяться. Тем более если она лежит в русле общей тенденции к уголовному преследованию за неправильные мысли (роль СССР во Второй мировой войне, сравнение сталинского и гитлеровского режимов) и неправильные чувства: человек неправильно гордится, неправильно стыдится, неправильно скорбит, неправильно любит родину и т. д.

Библиография

Зализняк Анна А. (2005). О семантике щепетильности // Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур. С. 378–397.

Иорданская Л.Н. (1970). Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.

Левонтина Ирина. (2014). Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. № 6.

Санников А.В. (2006). Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур. С. 405–468.

Соловьев В.С. (1990). Три речи в память Достоевского (1881–1883) // В. С. Соловьев. Избранное. М.: Советская Россия.

---

¹⁹ <http://rusexpert.ru/news/chl-gldi-pf-i-ti-btilya-v-gd-f-v-vyazi-bzhdim-pkt-fz-954048-7-pl-g-piyatiya-v-pvm-ctii-.html>.

Цена слова. (2001). Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М. С. 152–157.

Wierzbicka A. (1998). A culturally salient Polish emotion przyklo // Parrott J., Harre R. Special issue of World Psychology 8, 5, 1998.